

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

Некоторые специалисты сельского хозяйства отказываются ехать на работу в отстающие или отдалённые от города колхозы.



ВИТЯЗЕВ НА РАСПУТЬЕ

— Направо свернёшь — в отстающий колхоз попадёшь; прямо пойдёшь — в отдалённый колхоз забредёшь; налево пойдёшь — в передовой колхоз попадёшь!.. Поеду налево!

К Р О К О Д И Л

№ 34 (1360) МОСКВА 10 ДЕКАБРЯ 1953 издание газеты «ПРАВДА» год издания XXXII ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.



Рисунок М. ЧЕРМНЫХ.

Артисты ростовских театров почти не бывают в колхозах.

ЧАЦКИЙ: — Карету мне, карету!..

ЗРИТЕЛИ: — Машину пришлём, дорогой товарищ артист, только приезжайте к нам в колхоз!

В. БАХНОВ и Я. КОСТЮКОВСКИЙ

Будь здоров!

Он, Геркулесов, с виду здоровяк,
На зависть всем румяный и весёлый,
И, глядя на него, нельзя сказать
никак,
Что он такой болезненный и квёлый.

А это так: два раза на неделе
Он бюллетенит и лежит в постели.

Его болезней не пересчитать...
Допустим, день ревизии подходит,
И валит Геркулесова в кровать
Нелепый грипп иль что-то в этом роде.

По службе предстоит ему разнос —
А у него артериосклероз.

Его начальство требует с отчётом,
А у него вдруг с сердцем плохо
что-то.



Вот вызвали его на партбюро,
И снова та же вертится пластинка:
Был Геркулесов лишь вчера здоров,
А ныне Геркулесов болен свинкой.
Опять лежит!

Да в чём же дело тут?
А в том, что ведь лежачего
не бьют!

И мы отметим не без интереса
Тот парадокс, что многих удивит:
Благодаря болезням

Геркулесов
Своё здоровье бережно хранит.

Но мы вполне уверены, что скоро
Без бюллетеней и без докторов
Излечат Геркулесова, бесспорно,
Так вылечат его,
что будь здоров!

Сказка О НЕБЛАГОДАРНОМ ИНЖЕНЕРЕ

С упразднением святочных сказок замерзающие под ёлкой мальчики перестали поставять стандартный, но благодарный материал для душевспасительной беллетристики. Всё же эта беллетристика кое-где сохранилась в виде нежелательных пережитков.

В Нижнем Тагиле нам рассказывали позитическую сказку о том, как добрый дед Мороз в бывший сочельник нашёл в уральском лесу под ёлкой новорожденного инженера и что из этого вышло... Передаём эту сказку, как слышали.

Ну, был по всем правилам вечер, сверкали звёзды, и классически трещал мороз. Под ёлкой средних размеров устроился инженерный младенец. Он был в чём его мать — учёба — родила. Вместо пелёнок был он завернут в диплом об окончании института.

Лежал он, понемногу замерзал и нетерпеливо ворчал:

— Когда же он, неизвестный спаситель, явится? Долго мне тут прохлаждаться?

И вот как раз в ту минуту, когда в старину начинали звонить колокола, закричал сигнал «Победы», и прямо к ёлке подкатил дед Мороз. Он закутал инженерного младенца в тулуп и усадил в машину.

— Вы кто же будете? — спросил мальчик. — Как вас звать, как величать?

— Зови меня товарищем Вайсбергом, директор завода я. А тебя, мальчик, как зовут?

— Я Серёжа Базилевич, — сказал мальчик басом, — инженером к вам направлен.

Добрый дед-директор привёз инженерного ребёнка прямо в заводской клуб, где вокруг ёлки уже кружились технические детки. Они пели известную кантату:

В лесу родилась ёлочка...

— Вот вам новый товарищ, — сказал добрый дед, — любите его, не обижайте, он хороший, благодарный.

Обыкновенно в старой святочной беллетристике сказка на этом и заканчивалась. Всё дело сводилось к тому, чтобы найти замерзающего мальчика в лесу, спасти его и привезти на ёлку. Дальнейшая судьба младенца не интересовала ни деда Мороза, ни автора.

Нижне-Тагильский вариант не таков. Сказка продолжается.

Добрый директор души не чаял в инженерном ребёнке, а ребёнок рос не по дням, а по часам. Не успела стриженная секретарша косу заплести, как молодой инженер стал начальником лаборатории. Все видели: хороший инженер, способный инженер. Директор им нахвалиться не мог. Следил за успехами его и спрашивал:

— Благодарность чувствуешь?

— Чувствую, товарищ Вайсберг.

— То-то! Не забывай, кто тебя под ёлкой нашёл.

— Товарищ директор, я учиться хочу.

— Учись, Сергей. Я тебе помогу. Наука и техника — это родные сёстры. Наука нам вот как на производстве нужна. Учись, но благодарности не забывай.

— Я, товарищ Вайсберг, вот как благодарен, по самое горло.

Как по писаному всё шло. Показывая высоким посетителям завод, директор расхваливал и молодого инженера:

— Вот какой у нас вырос! Светилом в науке будет. Мы не только машины стране даём, мы и кадры для высшей науки готовим. Наука — нам, а мы — науке.

Скоро сказка сказывается, а дело ещё скорее делается. Приходит молодой инженер к доброму директору и говорит:

— Поздравьте меня, товарищ Вайсберг, я экзамен на аспиранта сдал. Вот приказ министерства об откомандировании меня в институт Академии наук.

— Что такое? Повторите.

— Согласно договорённости, перевожусь в институт.

— С моего завода в чужой институт?!

— Почему же, товарищ Вайсберг, в чужой? Он же и для вас кадры готовит.

— Прошу меня не учить. Я на чужого дядю не работаю.

— Странно. Научный институт — дядя. Вы, выходит, папа. А я, что же, ребёнок?

— Ребёнок, да, неблагодарный ребёнок. Я вас под ёлкой нашёл, приютил, обогрел, в люди вывел...

— Товарищ Вайсберг, так ведь это в

сказке. А на деле я к вам в поезде приехал...

— В сказке не в сказке — всё равно неблагодарный! Не позволю, не отдам! Так в высшем суждено совете, то воля неба, вы мой.

Ничем не окончилась беседа. Но по заводу пошло: неблагодарный, его под ёлкой подобрали, а он своему отцу и благодетелю чёрной неблагодарностью отплатил. Пришёл молодой инженер в партийную организацию, а там ему с порога: неблагодарный, змею на заводской груди откормили, учиться захотел... Побрёл в райком и тут услышал: неблагодарный, родного отца на чужого дядю сменял.

Сказка всё ещё сказывается, а дело не делается. Институт тянет Базилевича за правую руку:

— Мой аспирант!

А директор тов. Вайсберг тянет за левую руку:

— Мой инженер!

А высшие начальники смотрят, руками разводят и не знают, как согласовать общественные, семейные, научные и производственные начала...

Сказка, — как известно, вздор, да в ней намёк, добрым молодцам урок.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

ПОСЛЕ ЗВАНОВОГО ОБЕДА

Рисунок Л. ГЕНЧА.



— Ну, брат, считай, что диссертацию я защитил!

— Как? Ты ведь её не доработал!

— Зато оппонентов уже обработал...



— Жарить меня полагается, товарищ завкладом, а не морозить!

— Не забывай, что у тебя давление. Ты хочешь поехать отсюда в карете «Скорой помощи», да?

Рядом за столиком сидели, судя по разговору, приезжие — муж и жена. Женщина сказала:

— У нас в Горьком дешевле.

— А ты ешь да помалкивай, — ответил муж.

Андрейка сосредоточенно думал о том, что у себя во дворе не обойтись без вранья. Дружки-приятели засмеют, если он расскажет всё так, как было: скучно, долго и не особенно вкусно.

Вместо котлет им принесли бифштекс, и на вопрос, почему, официант несколько высокомерно объяснил:

— Котлеты кончились.

Бабушка отрезала кусочек бифштекса, пожевала и отодвинула тарелку.

— Мне свои зубы дорожке, они шестьдесят восемь целковых стоят.

Андрейка съел бабушкин бифштекс и подумал, что этим уже можно будет похвалиться: ел каждого блюда по две порции.

Юрику стало жарко и скучно. Он потянулся, громко зевнул и тоненько запел:

— Рррревела буря, дя-дяя ме-е-ел!

Официант вырос, как из-под земли, и произнёс железным голосом:

— Здесь не детский сад, попрошу вашего ребёнка не шуметь.

— А пьяным можно? — запальчиво спросил Сергей Иванович.

Жена тронула его за локоть.

— Выпивший человек находится в полуморальном состоянии, — назидательно сказал официант. — А детям дошкольного возраста здесь вообще не место.

— Почему? — Сергей Иванович даже покраснел от досады. — Почему ресторан у вас стал таким местом, куда неудобно пойти с семьёй?

Но официант уже откупоривал у соседнего столика бутылку шампанского и, надо признаться, делал это артистически.

Черешневый компот не вознаградил едоков. Он был жидковат и совсем не такой, как продаётся в банках.

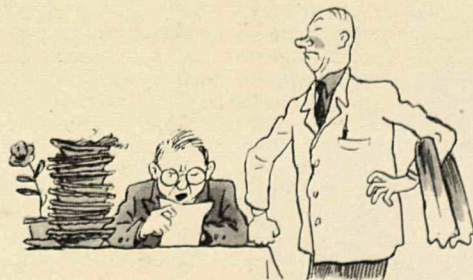
— Интересно, в какую сумму всё это вылетит, — осторожно сказала Наталья Николаевна.

— Я уже подсчитал в уме, — ответил Сергей Иванович. — Трижды пять — пятнадцать, пятью пять...

Но у официанта была своя арифметика: пять раз лапша, пять раз бифштекс, салат «оливье»...

— Но мы не ели никакого «оливье»! — воскликнул Сергей Иванович.

— Извиняюсь, ошибочка, — с ледяным презрением произнёс официант.



Наталья Николаевна сидела совсем красная. Ей было стыдно и за этого официанта и почему-то за Сергея Ивановича, хотя она и говорила себе, что он прав.

Обратно шли не то чтобы отяжелевшие, а скорее помрачневшие после обеда. Бабушка, чтоб досадить Сергею Ивановичу, сказала:

— А я всё-таки себе не представляю, чтобы скромная девушка-студентка, вроде нашей Любы, одна пошла в ресторан пообедать. Наташа, ты заметила эту особу с папироской, нога на ногу? Вы обратили внимание на эту женщину, Сергей Иванович?

— Я на посторонних женщин внимания не обращаю, — буркнул Сергей Иванович. — А то, что она с папиросой, ещё ничего не доказывает. У нас уборщица Дуся тоже курит, а уж порядочнее её никого нет во всём учреждении.

— С чем вас и поздравляю, — съехидничала бабушка.

— И всё-таки я буду ходить в рестораны! — упрямо сказал Сергей Иванович. — Вы не будете — я один. И стану каждый раз требовать жалобную книгу и буду бороться всеми доступными мне способами за то, чтобы ресторан вошёл в наш быт! В ваших же интересах, товарищи женщины!

Бабушка произнесла пророчески:

— Встанешь на этот путь и погибнешь.

— Вот! — вспыхнул Сергей Иванович. — Типичный голос мещанина-обывателя!

Они не на шутку поссорились и стояли в лифте, отвернувшись друг от друга. Наталья Николаевна старалась примирить враждующие стороны:

— Конечно, Серёженька, мы не отказываемся, мы тоже будем ходить, но... когда рестораны уже прочно войдут в быт.

Андрейка отпросился во двор. Он бессмысленно витарашил глаза, подражая тому певуну, что качался на стуле, и неверной походочкой подошёл к друзьям-приятелям.

— Ты чего это? — подозрительно спросил Толик Звонарёв.

— Из ресторана! — лихо ответил Андрейка. — Это... шынпанское пили. Вот такую бутылку на пятерых! Эх, и пели! Папа всё время боролся, а бабушка даже плясать хотела, да у неё подгара в коленке.

— Не подгара, а подагра, — поправил Толик. — А ну, дыхни... И всё ты врешь, баннным мылом от тебя пахнет, а не шынпанским. Ещё-то пойдёте в ресторан или нет?

— Ага, — кивнул головой Андрейка. — Мама сказала: как только ресторан войдёт в этот... в быт, так сию же минуту и пойдём. Обязательно!

Есть ещё специалисты, которые с необыкновенной лёгкостью отказываются от своей основной профессии и готовы пристроиться где угодно, лишь бы только не ехать в деревню.

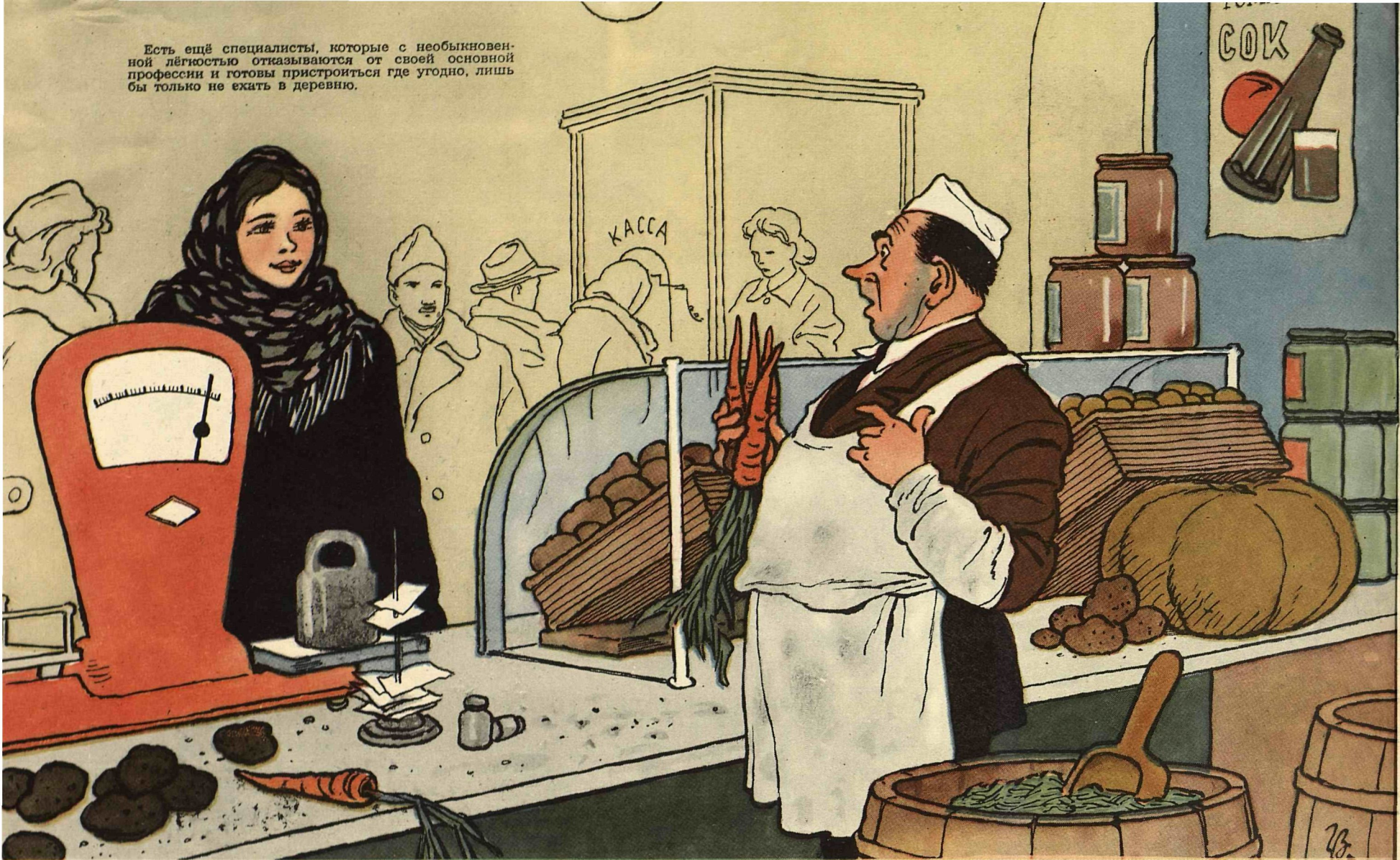


Рисунок Г. ВАЛЬКА.

— Что? Я мало разбираюсь в овощах? И это вы говорите мне, агроному?

У тонких фанерных дверей, выкрашенных белой эмалевой краской, нервно прохаживался средних лет мужчина, то и дело заглядывая в замочную скважину.

— Я вам покажу, как пользоваться чужими благами! — угрожающе ворчал он, сжимая кулаки.

В тишине послышалось весёлое журчание воды, вытекающей из крана. Эти мирные звуки привели мужчину в дикое иступление. Он ещё раз прильнул глазом к замочной скважине и громко забарабанил кулаками в дверь. За дверью кто-то кого-то успокаивал, убеждал сесть в ванну и не волноваться.

Дверь распахнулась — и в коридор выглянула женщина в белом халате. Видимо, она узнала нарушителя спокойствия и хотела тут же снова захлопнуть дверь, но мужчина быстро просунул в щель ногу, пытаясь протиснуться в комнату.

— Нет, позвольте! — кричал он. — Вы что, не знаете, от кого сегодня кочегары топят? От техникума топят! Чья горячая вода? Техникума горячая вода! Какое вы имеете право мыть своих больных нашей горячей водой?

С большим усилием женщине всё же удалось выпихнуть ногу мужчины из притвора двери. Но тот ещё долго бушевал около двери.

Вечером директор Ленинградского научно-исследовательского психоневрологического института имени В. М. Бехтерева Министерства здравоохранения РСФСР рассматривал очередной рапорт, в котором говорилось:

«Довожу до Вашего сведения, что сегодня комендант техникума безобразно стучал в двери четвёртого отделения и требовал, чтобы мы прекратили мыть больных, так как кочегары топят от техникума и мы не имеем права пользоваться горячей водой. Прошу Вашего вмешательства, чтобы подобные факты не повторялись.

Старшая медсестра Побединская».

БЕСПОКОЙНОЕ СОСЕДСТВО

Директор положил рапорт в папку с другими докладными записками подобного же содержания и задумался. Затем взял лист бумаги и стал писать:

«Министру здравоохранения РСФСР...»

В который уже раз он писал о том, что ещё в 1946 году по распоряжению Министерства здравоохранения СССР часть помещения института, находящегося в одном здании с детским психиатрическим отделением, была передана в аренду сроком на один год под общежитие механического техникума. С тех пор институт никак не может вернуть себе это помещение. Между тем подобное беспокойное соседство не только мешает нормальному лечению больных детей, но и дезорганизует всю лечебную и научную работу института. Удобно устроившись за чужой счёт, руководители техникума даже не используют средства, выделенные им для строительства студенческого общежития.

Первая долгожданная телеграмма на имя директора пришла в жаркий день лета 1952 года:

«Разрешаю занять помещение институту. Заместитель министра здравоохранения РСФСР

Степанов».

Вооружённый столь недвусмысленным распоряжением, директор института немедленно вручил ультиматум директору техникума. Но тот только посмеялся в ответ:

— Не торопитесь, ещё посмотрим, чья возьмёт! Мои покровители выше! Вы подчиняетесь Министерству здравоохранения РСФСР, а я — Министерству здравоохранения СССР.

И в самом деле, месяца через два директор института получил другое категорическое предписание:

«Предлагаю продлить срок аренды общежития для учащихся Ленинградского механического техникума на 1952—1953 учебный год. Заместитель министра здравоохранения СССР

Белоусов».

И пошла писать губерния...

«Категорически запрещаем продлить срок аренды помещения, занимаемого общежитием студентов техникума», — летят телеграммы из республиканского министерства.

«Вторично предлагаем продлить срок аренды общежития для учащихся техникума», — откликается союзное министерство.

Словесная перепалка продолжалась почти год — до тех пор, пока не устали скрипеть перья в обоих министерствах. Наконец тов. Степанов, назначенный ныне министром здравоохранения РСФСР, окончательно осознал своё бессилие и выбыл из игры. Он не находит даже слов для ответа на очередные вопли, которые доносятся из института. Поле битвы осталось пока за тов. Белоусовым.

Потерял всякие надежды на благополучный исход дела и директор института тов. Мясищев. И только сотрудники института попрежнему взывают к директору о помощи в своих рапортах и докладных записках:

«Доводим до Вашего сведения, что в детском психиатрическом отделении часто нарушаются покой и тишина криками и стуком студентов, живущих в общежитии техникума. Всё это пугает больных детей и крайне вредно отражается на их и без того болезненном нервно-психическом состоянии».

Директор института читает, сокрушённо вздыхает и беспомощно разводит руками.

В. РЕУТОВ

Л. ГИНЗБУРГ



ПО-АМЕРИКАНСКИ

Американские литературные гангстеры «дописывают» Шекспира, заставляя Гамлета произносить монологи, ратующие за отказ от национального суверенитета.

(Из газет).

Страшной отцовской тени,
В руке сжимая меч,
На вашингтонской сцене
Принц Гамлет держит речь.

«Не всё в порядке в Дании, —
Он бойко говорит, —
Но выход из страдания
Ей сыщёт Уолл-стрит.
И ей вернёт величие
Не юный Фортинбрас,
А попросту — наличие
Американских баз.
Офелия, Офелия!
Доверься, нимфа, мне.
Заморские картели я
Приветствую вполне!
Я рад, что мы — колония.
А суверенитет,
Пойми, о дочь Полония,
Отнюдь не нужен, нет!»

Тут вместе с Розенкранцем
Влетает Гильденстерн:
«Хвала американцам!
Да здравствует концерн!»
И даже друг Горацио,
Молчавший до сих пор,
Запел: «Ратификации
Ждёт боннский договор!»

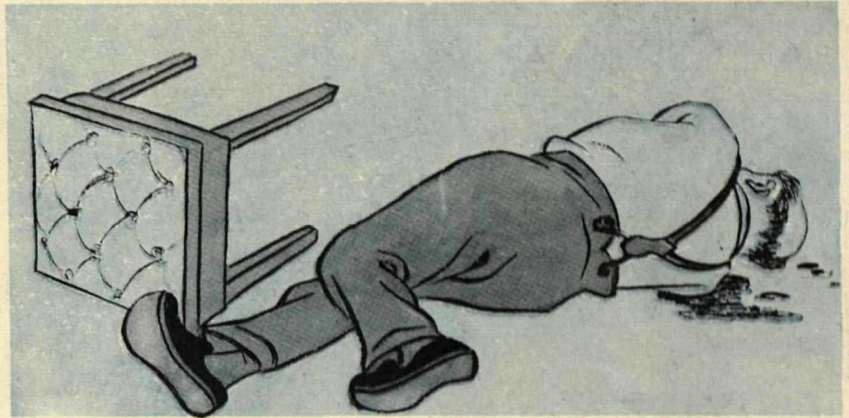
Цветные флаги взвились,
Визжит и воеет джаз.
На быстроходном «виллисе»
Въезжает Фортинбрас.
Смех душит жирных зрителей...

О, как бы этот мир
Тупиц и осквернителей
Ты заклеил, Шекспир!



По официальным данным, в прошлом году перед американским судом предстали триста восемьдесят пять тысяч детей в возрасте от десяти до семнадцати лет, а всего «неприятности с полицией» имел один миллион мальчиков и девочек.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.



«Было раскрыто преступление...»



...пойман один из преступников...



...но главным виновникам удалось скрыться».

Председатель Боннского бундестага ревизирист Элерс заявил, что «Европа должна простирается от Атлантики до Урала».

Рисунок Л. ХААСА

из чешского сатирического журнала «Дикобраз».



Боннские картографы.

Гитлер награждал наиболее «заслуженных» нацистов «орденом крови». Маршаллу в этом году присуждена Нобелевская «премия мира».

Рисунок Л. ХААСА

из чешского сатирического журнала «Дикобраз».



МАРШАЛЛ: — Теперь уж такого ордена не получишь! Придётся довольствоваться этой медалью...

Ян МАРЕШ

Сильный

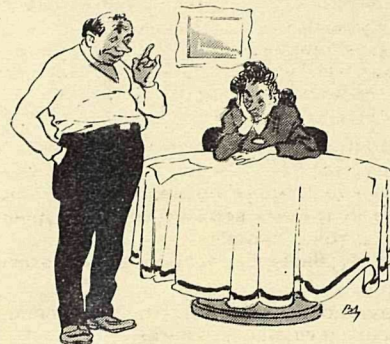
Исповедь

Вы, конечно, можете мне не верить, но, даю вам честное слово, в своём деле я специалист.

До самого 1948 года я владел автомобильной мастерской, и не какой-нибудь завалящей. Семьдесят человек на меня спину гнули. Настоящая фабрика!

Но в один прекрасный день у меня её отобрали. Национализировали. Я не сдавался, по всем высоким учреждениям бегал, убеждал, доказывал... Не помогло. Решил за работу браться.

Надо вам сказать прежде всего, что человек я вполне благонадежный. Меня совсем не тянуло последовать за моими коллегами, которые рыскали по лесам у западной границы...



«Какое счастье ждёт меня там? — спрашивал я себя. — Там, голубчики мои, такая конкуренция, что вмиг от тебя лишь рожки да ножки останутся! Разбойники, шпионы и прочие политики — у тех действительно другого выхода нет, те пускай удирают, а я, ей богу, не из таких. Я человек дальновидный, мой кругозор шире. Народно-демократическая республика — это тот самый конкурент, который выбил меня из седла. Добро. Я на некоторое время притихну и буду искать лазейку, где же у неё, у республики, слабое местечко есть.»

Решил я пойти работать по своей специальности.

Пришёл к властям и говорю: «Я мастер своего дела. Дайте мне трёхтонку да грузчика поздоровее, я работать хочу».

И они дали. Да ещё похвалили. Я ездил, и мной были довольны.

Мы обязались пройти сто тысяч километров без аварий. И прошли. Как по маслу. Только Зита, моя жена, частенько вздыхала над моей спецовкой. Вспоминала старые времена, когда я хозяином был, носил крахмальные воротнички, а летом мы с ней на курорт в Татры ездили.

Я ей отвечаю: «Не горюй, Зита, бог даст, наведаемся ещё туда. Такое большое предприятие, как республика, без дефекта не просуществоет. У неё, как и у всякой фирмы, должно быть своё слабое местечко. Когда я его обнаружу, путь на курорт в Словакию будет для нас снова открыт».

Случилось так, что заболел директорский шофёр, который на «татраплане» работает. А директору нужно было как раз в командировку ехать.

Утром говорит мне мой начальник: «Ты специалист, сто тысяч без аварий прошёл, человек серьёзный, машину знаешь. Поедешь с директором в Словакию».

Я даже подскочил от радости. Солнце печёт, жатва, небо без единого облачка, жаворонки жемчуга рассыпают...

Ой, посмотрю на горы-долы, на шалаши и озёра!

А кроме того Словакия ведь раньше была у нас в стране вроде как мозоль. Думаю я: нет такого хозяина, который отсталое предприятие в два счёта привёл бы в порядок. Так же и с нашей народно-демократической республикой — должно же остаться в Словакии хоть какое-нибудь слабое местечко, которое меня как раз и поджидает!

Но не будем забегать вперёд.

Едем мы, «татраплан» бежит, как Затопек, а я только глазами хлоплю от удивления. Что они сделали со Словакией!

Вместо зелёных бережков и божьей скотинки на пастбищах — бульдозеры, подъёмные краны, землечерпалки... Еду и слёзы едва сдерживаю: где же вы, живописные хатки с оконцами в ладонь? Стоят здесь ряды пятиэтажных домов, балконы, окна, как на Вацлавской площади... Сердце моё сжимается. Директор на карту поглядел, велит мне завернуть на Браниско. Едем через Спишске Подградие в горы. Приехали. Директор по делам пошёл. Я вокруг осматриваюсь — забытый уголок, Словакия, как она есть. Крутые склоны, леса, леса, а в долинах, на пастбищах — овцы. Ну, думаю, тут вам фабрик не построить! Тут всегда сверчки будут трещать да кузнечики прыгать, а колокольчики вечно будут вызванивать своё бим-бом над этим божьим краем...

У самой дороги — шалаш. Дай-ка, думаю, зайду, побеседую со старым пастухом. Он-то наверняка стародавнюю красоту понимает.

«Добрый день, — говорю, — дедушка!»

Конкуренция

бывшего

А он: «Честь труду, товарищ!..» Огрел меня, как обухом по затылку. Завожу поскорее разговор о добром старом времени.

«Э-гей,— говорит пастух,— всякое в старину бывало! Все эти земли графу Чаки принадлежали. Тяжело нам хлебушек доставался.

«Такой уж это край,— отвечаю,— божья красота вокруг, а жизнь тяжёлая».

«Красота осталась,— философствует мой пастух,— а жизнь стала человеческая, товарищ».

Я отвечаю ему по-приятельски: «Вы, дедушка, можете меня товарищем не величать, я на сегодняшний день простой шофёр».

«Как вам будет угодно,— говорит старик,— только в нашем сельхозкооперативе мы и шофёрам говорим «товарищ».

Вот это да! Пастух вступил в кооператив!

Мне сразу всё немилостиво стало. Солнце перестало согревать меня, и овечки показались чужими.

А ещё заметил я: у старика в шалаше на месте святого распятия висел чей-то портрет. Пастух сказал, что это Некрасов. Наверное, думаю, какой-нибудь советский министр.

Вот тебе и живописная старина!

Ездили мы с директором со стройки на стройку, и нигде меня радость не ждала. Чем дальше, тем неутешительней! А в заброшенном уголке под Дюклой ждало меня последнее разочарование. Наш «татраплан» взбежал на кудрявую вершину над Свидником, и мы попали в Бодружал. И здесь тоже стройка...

Огляделся я вокруг. Вижу, у забора сидит такой вполне живописный старичок.

Я к нему. Вот, думаю, карпатский горец, научился читать и ведь, наверное, почитывает священные книги.

Старик взглянул на нашу машину и говорит:

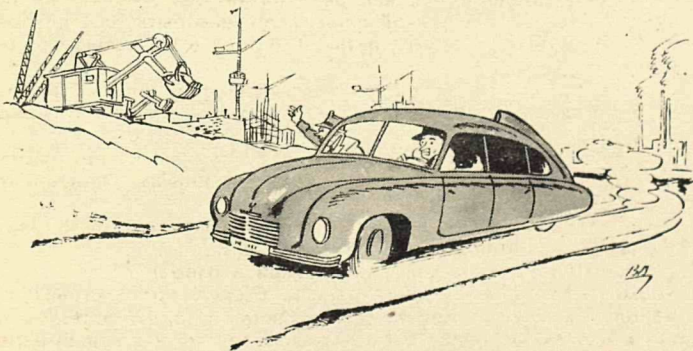
«Добро пожаловать! Стройки осматривать приехали, а? Правильно делаете! А когда-то господа сюда приезжали только затем, чтобы гроши из нас трясти».

После этих слов у меня сразу пропало желание вести с ним беседу.

А старик продолжал:

«Мне уже девятый десяток доходит, я по всему свету странствовал, всё на своём веку делал, чтобы прокормиться: клепал котлы в Аргентине, толкал тяжести в Калифорнии, строил дорогу в Сахаре,— а нигде не доводилось мне распустить ремень на все дырки... Домой вернулся... И только когда в Дюклу пришли советские войска, я сказал себе: «Искал ты правду за морями, а она сама пришла к тебе в Бодружал. Когда-то моим молодым рукам приходилось работу по свету искать, а теперь мне, старому, пенсию платят!»

Старик улыбается, подкручивает усы и снимает шляпу. «Иди пора,— говорит,— сегодня ночью дежурство вместе с соседовым сыном. Паренёк сюда на каникулы приехал, в Праге на врача учится».



Влез я в свой «татраплан». Утешительного мало. Вы только подумайте: врач из Бодружала, деревеньки, куда даже порядочного шоссе ещё не проложено, ай-ай-яй! Где же ты, старая живописная Словакия?!

Затуманенный взор мой блуждал от лесов над Штрбой по горным великанам, а душа ныла, болела...

Решил больше ни с кем в беседу не пускаться.

Едем мы по-над Вагом, мой директор молодецкие песенки распевает, он и сам, оказывается, из этих краёв, а меня грустные думы одолевают. Не радуется меня вид всех этих строек и подъёмных кранов. И не только не радуется — вся кровь во мне кипит.

Строят и строят, застраивают последние слабые места, на которые я так рассчитывал. «Ну, Рудольф,— говорю я себе,— этот режим — сильный конкурент. При нём не пролезть тебе обратно в свою мастерскую! Не осталась ни одного слабого местечка от Шумавы до самых Татр!»

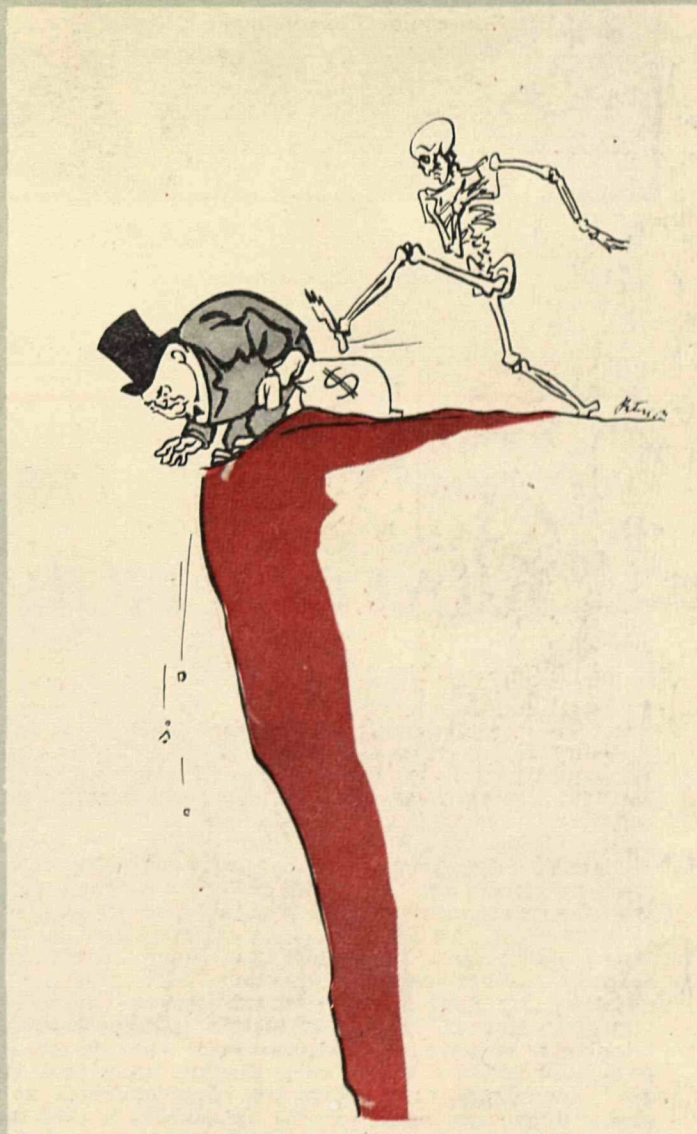
Перевела со словацкого из журнала «Рогач»
В. ПЕТРОВА.

Рисунок Л. ХААСА
из чешского сатирического журнала «Дикообраз».



Традиционная поза западногерманских социал-демократов.

Рисунок Ф. ПЕТРИКОВСКОГО
из словацкого сатирического журнала «Рогач».



Капитализм и кризис.

Рисунок М. АБРАМОВА.



Язык дипломатический и...
северо-атлантический.

Сергей БОРЗЕНКО

БЛАГОДЕТЕЛИ

Передо мной американский журнал «Лайф» с редакционной статьёй под кричащим заголовком: «Мы помогаем корейцам».

Статья цитирует высказывания генерального директора ЮНКРА (орган ООН «по восстановлению Кореи») генерал-лейтенанта Джона Коутера.

«Мир редко видел такие разрушения», — сознаётся генерал. А журнал с притворным состраданием добавляет: «В результате войны в стране Ли Сын Мана (!) насчитывается один миллион убитых гражданских лиц, пять миллионов человек, нуждающихся в пособии, два миллиона беженцев, триста тысяч вдов, сто тысяч сирот, пятнадцать тысяч калек; в стране свирепствуют болезни, голод и разруха».

Цифры эти явно преуменьшены; оттого они ещё страшнее. Генерал Коутер, украсив страницы «Лайфа» благочестивой фарисейской проповедью, дипломатично умалчивает о том, что развязали войну в Корею американские агрессоры. Он не называет виновников всех несчастий, обрушившихся на корейский народ: иначе ему пришлось бы произнести и своё имя, назвать 8-ю американскую армию и своих многочисленных коллег по Пентагону.

В 1950 году мне пришлось побывать по ту сторону 38-й параллели. Я видел, в какой крошечный ад превратили американские оккупанты Южную Корею. Я посетил на Онгдинском полуострове созданный 8-й американской армией «лагерь уничтожения», где было замучено триста тысяч человек — их убили жаждой и голодом. Я видел железнодорожные тоннели, доверху набитые телами расстрелянных детей и женщин. Это были как раз те «гражданские лица», о которых с циничной осведомлённостью упоминает журнал.

Отступая, американская грабьярмия дотла сожгла в Южной Корею все сёла от 38-й параллели до реки Нактонган. «Летающие крепости» уничтожили напалмом многолюдные кварталы Сеула, Инчона, Тэчжона, Тэгу, десятки городов, сотни деревень. Я видел напалм в действии, — он пожарче адской кипящей смолы, описанной бессмертным Данте.

Американские мародёры начисто ограбили население южнокорейских провинций. Они под метёлку забирали из крестьянских закровов рис и спекулировали им в Японии. Они не брезгали ничем. Из Южной Кореи вывозились вольфрам и золото, графит и жень-шень, музейные редкости и оборудование демонтированных электростанций.

История ещё не знала столь бессовестного грабежа.

У американского народа есть меткая пословица: «Птицу можно узнать по её песне». Вот такая песенка льётся со страниц «Лайфа»:

«Корея — страна больших ресурсов, эти ресурсы следующие: одно из крупнейших в мире месторождений вольфрама; моря, полные рыбой; много шахт и промышленных предприятий».

Именно тут зарыта собака. «Лайф» откровенно объясняет причину неохладившей любви американских бизнесменов к Корею. Их интересует не народ, а вольфрам.

«Лайф» гордо возвещает, что американские солдаты в порядке помощи «оставляют в Корею поразительно большую часть своего жалованья». Мы-то знаем, что это жалованье оседает в шантанах. Мы помним, как американские завоеватели устраивали в Сеуле аукционы, перепродавая друг другу корейских девушек; мы знаем, какая широкая река посылка с награбленными корейскими вещами течёт из Южной Кореи в США.

К «материальным ресурсам» журнал нагло причисляет «миллионы пустых жестянок из-под американского пива». Эти жестянки используются для кровли, важно добавляет журнал. Ещё недавно пиво должно было поднимать боевой дух разложившегося американского воинства. Теперь филантропствующие бизнесмены хватаются за тару. «Бесплатно! Полюбуйтесь, какие мы благородные и щедрые!» Воистину трудно представить себе большую гнусность.

Американские генералы не хотят уходить из Кореи. Они неуклюже гримируются под нежных опекунов. В статье «Лайфа» упоминается об «Американо-корейском фонде» под председательством генерала Джеймса Ван Флита. Фонд намерен собрать для начала своей благотворительной деятельности пять миллионов долларов.

Ван Флит! Знакомое имя. Обанкротившийся на фронте командующий 8-й американской армией, бывший некоронованный король Южной Кореи, палач корейского народа..

Не так давно Ван Флит в своих зверских приказах требовал «без зазрения совести уничтожить корейцев, которые плодятся, как кролики, и растут, как крапива». Лжецам нужна хорошая память!

На «боевом» счету Ван Флита сотни тысяч загубленных младенцев; ныне он, видите ли, занялся «организацией системы розыска пропавших детей». Генерал прячет свой железный кулак в бархатной перчатке. Он замечает следы. В недавнем прошлом главарь разбойничьей банды, ныне он уже сентиментальная старая дева из благотворительного общества. Ван Флит «приступил к созданию симфонического оркестра в Корею», — умиляется «Лайф».

Почему бы при такой постановке благотворительности Дугласу Макартуру не взять на себя роль попечителя психиатрических больниц, тех самых, где содержатся душевнобольные, сошедшие с ума от ужасов американских бомбардировок?

Война в Корею была для американских миллиардеров одним громадным и сверхприбыльным бизнесом. Новое коммерческое предприятие носит название «Восстановление Южной Кореи». И «Лайф» не скрывает этого. Соль всей статейки, пропитанной цинизмом, самохвалством и ханжеством, заключается в одной фразе:

«Успешное восстановление Кореи благоприятно отразится на внешней политике США и, следовательно, на американском бизнесе».

«Лайф» зазывающе вопит, приглашая бизнесменов вкладывать свои капиталы в Южной Корею: это выгодно! Южная Корея обещает дать бесконечно много! Спешите! Блестящий шанс заработать!

И после этого рассчитывать на репутацию «бескорыстных защитников свободы»!

Нет! Ни лязг пивных жестянок, ни визг флейт ванфлитовского «симфонического оркестра» не заглушат гневного голоса истрадавшегося народа Южной Кореи.

Американские генералы, срочно перекавалифицировавшиеся в благодетелей, «трудятся» не покладая рук. Однако, пытаясь на благо бизнесменов оживить их же руками умерщвлённую экономику Южной Кореи, они лишь, по старой американской поговорке, «стегают мёртвую лошадь».

Бывало,
 снега натрясёт
 январь в два метра за ночь,
 и вот
 идёт,
 метлу несёт
 Федот наш Селиваныч.

По пояс в снег ушли дома.
 Куда уж!
 Не проедем мы,
 передела нас зима
 полярными

медведями.

Как в Арктике,
 трамвай затёрт,
 недвижим автотранспорт.



Семён КИРСАНОВ

Федот

Метёт Федот,
 а снег идёт,
 засыпав всё пространство.
 Уже багров кирпич лица.
 Зовёт Федот
 старуху,
 вдвоём метут,
 но нет конца
 кружащемуся пуху.

...Сии года
 давно прошли.
 И с видом озабоченным
 машины умные
 пришли
 к сугробам у обочины.

Пришли для дворничьих работ.
 Мотором
 подхохатывая,
 машина в две руки гребёт,
 и транспортёр подхватывает,

а щётка
 замечает след
 железными ручищами!
 И мчится длинный ряд «Побед»
 по улице расчищенной.

А тот Федот,
 который бы
 пять суток скрёб сугробы,
 сегодня занят,
 может быть,
 заданием особым.

Он конструирует прибор —
 «радар» для снегопада, —
 чтоб снег
 мог падать
 до тех пор,
 пока нам это надо!

А снег мести
 он возложил
 на друга на железного.

И видит
 каждый старожил
 итог труда полезного:

расчистил друг,
 как он хотел,
 проспекты новогодние.
 И человек
 от малых дел
 для больших стал свободнее!

Как хорошо,
 что жизнь идёт
 и век не остановится
 и что Федот
 давно не тот
 и в жизни
 и в пословице!



Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

ТОЧНАЯ ОРИЕНТИРОВКА



— Как пройти в МТС?
 — Идите от машины к машине, они до самой МТС тянутся.

Савва Терентьевич не какой-нибудь рядовой председатель... и не в каком-нибудь колхозе он председательствует... Кто не знает, что это руководитель того самого колхоза «Вперёд», где из года в год на каждый трудодень выдают по четыре килограмма зерна? Шутка сказать: четыре килограмма зерна, да несколько килограммов овощей, да несколько рублей деньгами... Недаром рядовая колхозница Дарья Ведёрникова сказала на прошлом отчётном собрании:

— Хоть и грубый ты человек, Савва Терентьевич, а всё-таки зажиточно живём при тебе!

Он промолчал тогда. А после собрания, когда Дарья Ведёрникова обратилась к Савве Терентьевичу с просьбой выдать ей в счёт трудодней несколько досок для ремонта дома, он плотно прижмыкнул дверь своего кабинета и, важно усевшись за стол, проговорил:

— Так, значит, грубый я человек? Да? И ты меня так... при всём народе! Забыла, что при Кирюхине было? Полкило на трудодень получали. А я вас заставил работать, так уж на меня и жалобы пошли...

— У соседей, в «Светлом луче», без крика дело идёт,— твёрдо возразила Дарья.

— Так и катись в «Светлый луч»! — заорал Савва Терентьевич, вскакивая. — Катись!

И, распахнув дверь, он ещё раз сказал:

— Катись к чёртовой матери!

Это было не самое крепкое ругательство. Быть может, всё кончилось бы благополучно, но, как на беду, случился тут новый секретарь партийной организации, учитель семилетки Свиридов. Он-то как раз и видел и слышал всё. При нём Дарья ещё больше осмелела и сказала, заглядывая через порог:

— А зачем мне в «Светлый луч» катиться, Савва Терентьевич? Дождусь как-нибудь новых выборов, может, колхозники тебя направят туда. Чтоб у тамошнего председателя подучился, как с людьми обращаться...

Свиридов тоже не так вёл себя, как бывший секретарь Тепляков. Тот, будучи бригадиром, оправдывал грубость Саввы Терентьевича. Он и сам не прочь был оглушить колхозницу крепким словечком. За то и пошёл в отставку...

Учитель и упрекать Савву Терентьевича не стал — сел, внимательно посмотрел на этого плотного, краснощёкого человека с разноцветной колодкой на груди и вздохнул. Он вздохнул потому, что предстоял трудный разговор с человеком, о грубости которого было известно даже в райкоме партии. Там мирились с этим, а скромному учителю Свиридову предстояло заняться перевоспитанием председателя колхоза, в шутку прозванного «талантливым грубияном».

Молчание учителя было тягостнее упреков. Савва Терентьевич не выдержал и сказал:

— Чего молчишь? Отчитывай! Или на бюро поставишь вопрос?

Это был испытанный манёвр. Тепляков в таких случаях говорил, безнадежно махнув рукой: «Чего с тебя спросишь?»

А Свиридов продолжал молчать, рассматривая налившееся кровью лицо председателя. Наконец он тихо сказал:

— Ситуация складывается не в твою пользу, Савва Терентьевич. Подумай хорошенько!

И, сказав это, Свиридов ушёл. И на второй день он ничего не прибавил больше. Говорил с председателем о чём угодно, а насчёт «ситуации» помалкивал. Между тем это проклятое слово так и засело в мозгу Саввы Терентьевича. Словно Свиридов гвоздь в самое темя вбил...

«Какая такая ситуация? — размышлял Савва Терентьевич. — То, что в соседнем колхозе председатель, какой-то зоотехник из областного центра, каждую рядовую колхозницу на «вы» называет и со всеми деликатничает? А что они имеют от этого?»

Савве Терентьевичу самому казалось, что в одном отношении он неуязвим: во всём районе не было более высокой оплаты трудодня, чем у него, в колхозе «Вперёд». Он говорил по привычке: «Я четыре килограмма зерна выдаю. А вы?» И другие председатели говорили о нём: «Вот у Саввы Терентьевича трудодень! Его не обгонишь!» Полноценный трудодень был тем самым щитом, который охранял неприкосновенность знатного председателя колхоза при любых обстоятельствах. И вдруг Свиридов позволил себе сказать, что ситуация, дескать, изменилась. Что же это за такая ситуация, чёрт бы её побрал?!



Фёдор КРАВЧЕНКО

Савва Терентьевич

Первую пробную в щите Саввы Терентьевича сделал тот же зоотехник из соседнего колхоза. Совершенно неожиданно Савва Терентьевич узнал, что в «Светлом луче» колхозники нынче получают на каждый трудодень по четыре с половиной килограмма зерна. Обогнал, значит!

Но оказалось, что и это не та ситуация, о которой говорил Свиридов. Чуть усмехнувшись, учитель сказал:

— Конечно, это серьёзный фактор, Савва Терентьевич, и с этим надо считаться. Но и кое-что другое заставляет хорошенько подумать. Я бы сказал, что полноценный трудодень в «Светлом луче» лишь осложняет ситуацию.

Сказав так, Свиридов больше не распространялся насчёт каверзной ситуации и начал обсуждать с Саввой Терентьевичем планы зимней агроучёбы колхозников. Ему и невдомёк было, что председатель плохо спал и с меньшим аппетитом, чем обычно, ел, задумываясь над назойливым словом.



Впрочем, он уже задумывался не над словом, а над своим положением в колхозе. И началось это при следующих обстоятельствах. Как-то подошёл Савва Терентьевич к колхозному амбару, где весовщик отпускал зерно на трудодни, и увидел Дарью Ведёрникову, беседующую с новым агрономом Семёном Филипповичем. Она сидела на пузатом мешке, а Семён Филиппович — аккуртатный, в хорошо выглаженном сером костюме — стоял возле весов. Этого светловолосого тридцатилетнего специалиста, окончившего в Москве Тимирязевскую академию, прислали в колхоз не так давно. Савва Терентьевич побаивался, что этому интеллигенту трудно будет найти общий язык с колхозниками, особенно с такими малограмотными колхозницами, как Дарья Ведёрникова. И вдруг он услышал нечто невероятное. Дарья, лишь на мгновенье смутившись при виде председателя, сказала агроному:

— Я тоже так думаю, Семён Филиппыч! Если каждый вечер собирать людей, чтоб давать наряд на завтра, сколько времени потратим зря? Савва Терентьевич, бывало, позовёт всех и как начнёт накачку давать, как начнёт... Глядь, полночь уже! И выспаться некогда людям. А утром Савва Терентьевич и сам заспанный в поле выезжает, и мы не лучше. Он кричит на нас, а тут всё из рук валится... А если бригадир дать волю, так, ей же богу, дело пойдёт! Потому иной бригадир в своей бригаде лучше председателя разбирается в деле...

— Конечно, Дарья Акимовна, — сказал агроном, — при новой ситуации дело у нас ещё лучше пойдёт...

И тут же он начал объяснять колхознице, что ситуация означает, дескать, положение, обстановку... Савва был обескуражен тем, что творилось вокруг него. Агроном не нервничал, не кричал, даже не упрекал. Он говорил так вежливо, что колхозники обступали его везде, где он появлялся, как школьники обступают учителя.

И случалось так, что они беседовали с агрономом, не замечая даже своего председателя. Как часто Савве Терентьевичу хотелось крикнуть той же Дарье: «Не суй своего носа, куда не следует!» Но он только нервно покусывал губы и не мог прознести ни слова. Сначала он сдерживал себя в присутствии агронома, а затем настолько привык к этому, что не грубил больше и тогда, когда тот отсутствовал. Но это было ещё полбеды. Как только всем колхозникам стало известно, что «Светлый луч» обогнал «без крика и шума» колхоз «Вперёд», Дарья так сказала:

— Не то время теперь, чтоб кричать да шуметь; надо не криком, а наукой брать! И есть у нас теперь сила научная — наш уважаемый Семён Филиппыч!

Да, этот самый вежливый и знающий Семён Филиппович как раз и осложнил ситуацию, о которой Савве Терентьевичу говорил Свиридов...

Не за горами отчётно-выборное собрание! И Савва Терентьевич, перестав ругаться, крепко призадумался. Правда, и раньше перед отчётным собранием он становился вежливым, внимательным к людям. Но нынче он уже думал: «Если хоть бригадиром оставят в колхозе, и то надо будет спасибо сказать Свиридову, что на ум наставил».

А Дарья, удивляясь вежливости Саввы Терентьевича, говорила другим колхозницам:

— Если через хорошие палки-мялки человека пропустить, то, может быть, и толк из него выйдет. Я уж думаю про нашего Савву Терентьевича: может, он опомнился всё-таки, обшелушился? А нет, так теперь не страшно. Семён Филиппыч есть!

Вот такая ситуация сложилась нынче в колхозе «Вперёд»...

ГОЛОВОЙ ОТВЕЧАЕТЕ!..

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

Москва. Трубниковский переулок. У ворот вывеска с мудрёным названием: «Моссельхозпромстрой».

В переводе на общедоступный язык это значит: здесь находится трест, который занимается...

А впрочем, послушаем лучше управляющего трестом Павла Ильича Мамулова. Он всегда готов любезно разъяснить:

— Чем мы занимаемся? Строим машинно-тракторные станции. Это значит мастерские, автогаражи, жилые дома... Как идёт стройка? Вот наш график.

И Павел Ильич подводит посетителя к стене, где висит небольшой щиток с длинными красными ленточками.

— Проследите, какие высокие темпы. Завтра сдаём мастерские в Зарайске. И какие мастерские!

Павел Ильич воодушевляется:

— С центральным отоплением! Водоснабжение! Механизация работ полная! С кураторщиной покончено! Трактор входит в одни ворота. Тут же горячая промывка, термообработка. Прошёл мастерские — и выходит новенький, как с заводского конвейера... Извините, тороплюсь в Зарайск... Сдаём готовые мастерские для МТС! На внимание и снабжение жаловаться не можем. Трест обеспечен механизмами, специалистами, стройматериалами.

Последуем за Мамуловым в Зарайск. Но тот ли это Мамулов, который в Москве произносил такие победные речи? Ничего похожего!

— Что тут происходит? Где крыша? И оконных рам нет? И батарей не привезли? Чёрт знает что! — сердится Павел Ильич.

Вдруг Павел Ильич замечает директора МТС тов. Косминского. И тут же пресекает возможные жалобы:

— Серафим Иванович, к какому сроку нужны мастерские? Только точно!

— Нужны были ещё вчера.

— Шутки неуместны. Двадцатое августа устраивает? Конечно. Двадцать первого августа можете въезжать. Сдадим мастерские и возьмёмся за жилые дома. В начале года получите сполна дома, гаражи, навесы, водопровод...

Разговор с Косминским окончен. Управляющий резко поворачивается к прорабам и десятникам:

— Что лимитирует? Каменщики? Пришлю. Штукатуры? Едут. Насосы для котельной? На подходе. Зарплата строителям? Везут. Чтоб двадцатого мастерские были готовы. Головой отвечаете!.. Всё. Ну, будьте живы!

Прошёл месяц, Павел Ильич снова в Зарайске. У стен недостроенных мастерских снова встретились управляющий трестом и директор МТС.

— Серафим Иванович, к какому сроку вам нужны мастерские? Десятое сентября вас устраивает? Конечно. Одиннадцатого можете въезжать!

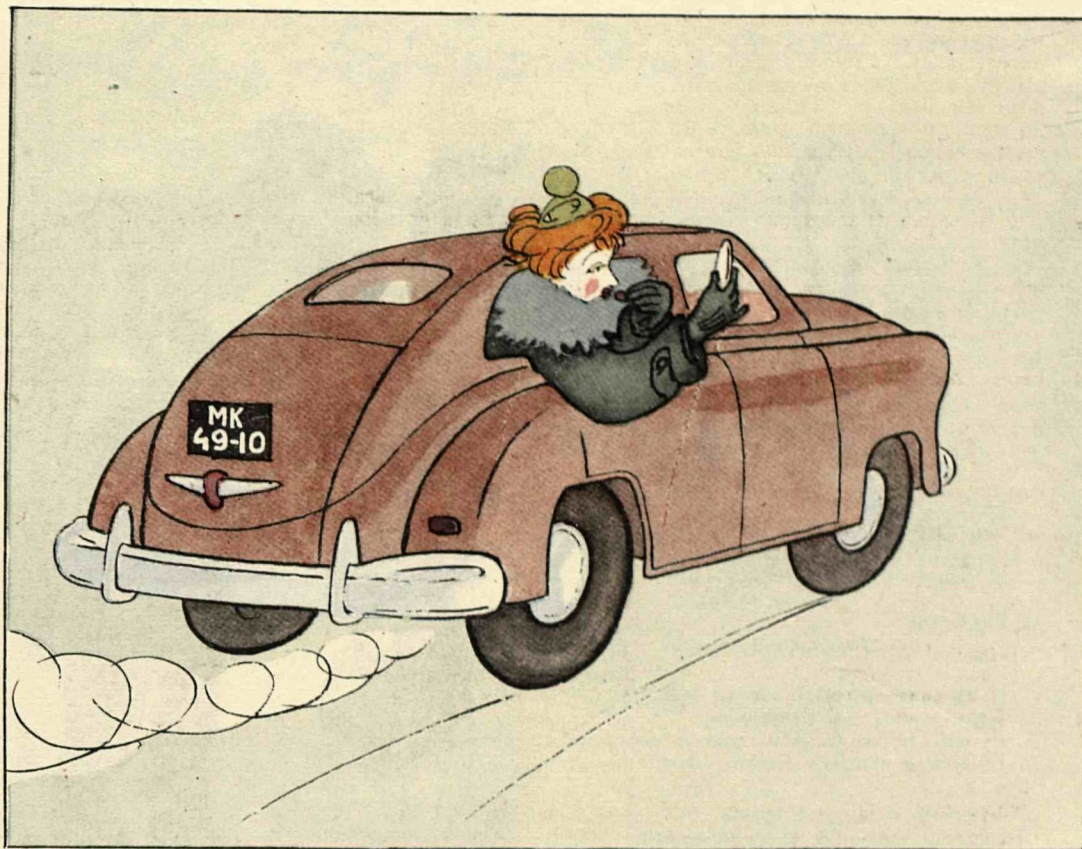
И в сторону прорабов:

— Что лимитирует? Каменщики? На подходе. Штукатуры? Едут. Зарплата? Выслана. Насосы? Везут. Слыхали? Десятого сентября мастерские сдать! Отвечаете головой!.. Понятно? Ну, будьте живы!..

...Пожелтели листья. Миновал сентябрь. Уже и октябрь позади. Листья опали. Мамулов едет в Зарайск. Строители встречают его рапортом:

— Лимитирует листовое железо. Каменщики ещё на подходе. Штукатуры ещё едут...

Не так давно мы посетили Павла Ильича в тресте. Он приветливо встретил нас и широким жестом показал на щиток с диаграммами.



В институт она ездила на папиной машине...



...а там выезжала на тройках.

— Обратите внимание, какие темпы! Завтра сдаём мастерские в Зарайске. Едемте со мной. Ознакомьтесь на месте!

— А мы уже ознакомились, Павел Ильич. Мы только что из Зарайска. По-нашему, там далеко не всё готово!

Наша осведомлённость не смутила товарища Мамулова.

Перевернув несколько листов календаря, что-то прикинув в уме, Павел Ильич по привычке спросил:

— К какому сроку вам нужны мастер...

виноват... Через десять дней приглашаю вас на открытие мастерских.

Управляющий трестом говорил убеждённо, с металлом в голосе. Но его голосу противоречат факты. Несмотря на известную обеспеченность кадрами, материалами, механизмами, мастерские Зарайской МТС до сего дня не достроены.

Уже выпал снег. Товарищ Мамулов снова едет в Зарайск.

М. ЭДЕЛЬ

Аллахверди ГАДЖИЕВ

Верблюдо и овца

По саду шествовал верблюд
И клумбы попирал ногами.
И вдруг — овца на грядке...
Тут

Верблюд
от возмущенья замер.

И, бросив грозный взгляд вокруг,
Остановился на мгновение:
— Да как ты смеешь, милый друг,
Ломать и портить насажденья?!

Ведь ты ножищею своей
Цветам наносишь вред немалый!
Как не нарвать тебе ушей,
Чтоб впредь ты осторожней стала!

Овца, увидя, как он лют,
Моргнула в ужасе глазами:



— Вы правы, гражданин верблюд,
Но... вы же их топтали сами!

Верблюд темнее тучи стал,
И гнев его не знал предела.
— Нахалка! — вдруг он заорал. —
С кем ты рвануться захотела?!

Тебя я понял до конца
И справлюсь с наглостью твоею!
Не забывай, что ты овца,
А я верблюд, и будь умнее!

— Увы, — садовник им сказал, —
Для сада утешенья мало,
Верблюд ли по цветам шагал
Или овца их растоптала!

Перевёл с азербайджанского
Юрий ФИДЛЕР.

САМ СЕБЕ ГАРДЕРОБ, или...

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.



...фигурист поневоле.



ЭЛАСТИЧНАЯ ХАЛТУРА

Говорят, что искусство требует жертв.

Наслышавшись об этом, руководители Петропавловского концертного бюро в Казахстане поспешили принести в жертву интересы зрителей.

В областной город Павлодар была направлена перелётная эстрадно-цирковая «семья Мигуновых». Прибыв в город, «семья» сняла помещение драматического театра и дала представление в двух отделениях.

В программе зрителям обещали показать «человека — счётную машину», «антиподиста — жонглёра ногами», «спящую даму в воздухе», «эластичный номер — каучук», «жонглёра-малобориста», «иллюзио-манипуляцию», «пародию лилипутов». Сопровождал эту программу некий Виктор Свинцов (нонферанс, юмор, сатира, куплеты, музыка).

Программа была выполнена, несмотря на то, что вся разрекламированная в афишах «семья Мигуновых», включая и разностороннего Свинцова, состояла всего из 3 (трёх) человек.

Не боясь разоблачить семейную тайну, мы расскажем, как всё это происходило.

Поначалу глава семьи — сам Мигунов — не без опаски глотал безопасные лезвия. Потом на правах главы семьи он усыплял свою су-

пругу («спящая дама в воздухе»). Затем супруга Мигунова, уже совершенно сепаратно, проделывала упражнения из цикла утренней зарядки («эластичный номер — каучук»). Потом на сцену были выволочены две упирившиеся собачонки («дрессированные животные»). Семья в полном составе, просунув головы в потрёпанные лубки, исполнила «Таньку-Ваньку» («пародия лилипутов»). Если прибавить к сему остроты Свинцова: «Влюбился я вот здесь, у вас, в одну гражданку. Глаза у неё закатываются и выкатываются. Один закатился, да так и не выкатился...» — станет понятным, какие жертвы понесли зрители Павлодара.

НОВЫЙ ЦЕНТР ТУРИЗМА

За короткий срок в ауле Талапты, Талды-Курганской области, было продано около тысячи экземпляров «Памятки туриста», засланной туда по настоянию председателя райпотребсоюза тов. Айдарова.

Во всём ауле 400 жителей, включая и младенцев. Такой колоссальный спрос на «Памятку туриста», естественно, вызвал переполох в местных физкультурных организациях. Как?! Под боком находится такой туристский центр, а нам ничего не известно! Немедленно командировать в аул инструктора. Пусть на месте ознакомится с планами походов талаптинских туристов!

Увы... Посланного инструктора в Талаптах ожидал жесточайший удар. Он убедился, что памятка здесь действительно нарасхват. Но приобретают её лишь любители крепкого степного табачка, используя это малоформатное назидание туристам в качестве давно уже отсутствующей курительной бумаги...

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Как тебе нравится: в городе Тюмени среди бела дня исчез... финотдел Кировского района. Да, да! В ответ на запрос из Красноярска Тюменская контора связи так официально и заявила: адресат, то есть финотдел, выбыл в неизвестном направлении.

Помоги, пожалуйста, конторе связи найти пропавший адресат. Дело осложняется тем, что финотдел и не подозревает о своей пропаже, а работникам связи не догадаться, что финотдел находится по соседству с ним, в каких-нибудь двух шагах.

М. ЛЕОНОВ

г. Красноярск.



ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Знаешь ли ты, что общего между художественной самодеятельностью и пьянством?

Не знаешь? Мы так и думали. А вот директор нашей Махачкалинской теплоэлектростанции тов. Муслимов знает. И нам, комсомольцам, разъяснил. Коротко и ясно:

— Концерт... запрещаю!

И, немного подумав, добавил:

— Доклад — пожалуйста, а концерт — ни в коем случае: пьяные набегут со всех сторон! Я эти дела вот как знаю! Не впервой...

По этой именно причине подготовленный для праздничного вечера концерт художественной самодеятельности не состоялся. И теперь мы опасаемся: а что если товарищ директор вдруг откроет связь между пьянством и, скажем, всей культурно-просветительной работой? Тогда совсем худо будет...

Я. ШУЦКИЙ,

секретарь комсомольской организации ТЭЦ.

г. Махач-Кала.



УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Артель «Металлист» в нашем городе производит хорошие висячие замки. Но ей, между прочим, предложили изготовлять и детские коньки «Спорт», хотя коньки — не её конёк.

Предложить предложили, но обеспечить артель «Металлист» шурупами позабыли, а к каждой паре коньков, по техническим

условиям, полагается комплект в 20 шурупов.

В результате на складе артели скопилось 40 тысяч пар коньков на 532 тысячи рублей.

Не то удивительно, что торгующие организации отказались получить такую несовершеннопродукцию; удивительно, что Роспромсовет, не позаботясь о шурупах, запланировал и на этот год выпуск... ещё 120 тысяч пар ни-

кому не нужных коньков без шурупов!..

Таким образом, на складах артели скопилось коньков больше чем на полтора миллиона рублей!

И лежит до сих пор эта гора коньков под семью висячими замками изделия артели «Металлист»...

Помоги, дорогой Крокодил, найти ключ к этим замкам и к тем шурупам, без которых коньки стали неходовыми.

Г. БЕЛИЦКИЙ,
заведующий промышленно-транспортным
отделом горкома КПСС.

г. Павлово.



ФОТО-ВИТРИНА



ВЫСТУПАЯ И КОЗЫРЯЯ...

Это было весной 1953 года. В садах цвела сирень. На сессии Чкаловского областного Совета депутатов трудящихся выступала с докладом тов. Верховая, заместитель председателя облисполкома. И сказала тов. Верховая: «В 1952 году введены в действие... детские ясли в Кувандыке, Ново-Троицке, Октябрьском и Троицком районах». И приятные эти слова запечатлела в номере от 24 мая газета «Чкаловская коммуна».

А теперь взгляните, что запечатлел объектив нашего фотокорреспондента, посетившего недавно вышеупомянутые детские ясли в Троицком районе.

Какое же стихийное бедствие обрушилось на это культурно-бытовое учреждение? То ли снизу потряс его лёгкий подземный толчок? То ли сверху покорёжила внезапная буря?

Нет, дело тут гораздо хитрее. Перед нами, оказывается, совсем другая картина — не разрушения, а созидания: троицкие детские ясли, которые тов. Верховая «ввела в действие» год тому назад, пока ещё только строятся; а строят их вдобавок по методу репки: тянут-потянут, вытянуть не могут...

Козьма Прутков говорил: «Не козыряй!»

Применительно к некоторым докладчикам этот афоризм, как видно, следовало бы толковать немного иначе: «Сперва проверь, а потом козыряй!»

Сообщаем АДРЕСА

КРАСКИ-БЛИЗНЕЦЫ

Удивительный случай произошёл в городе Калининграде.

Два гражданина решили покрасить табуретки: один — в зелёный цвет, а другой — в жёлтый. Первый купил банку зелёной краски, а другой — банку жёлтой охры, и, недолго думая, они приступили к работе.

Тут-то и случилось чудо: обе табуретки после покраски приобрели один и тот же цвет... печной сажи...

Впрочем, кроме сходства, у этих двух красок есть и различие:

Зелёную краску изготовила артель «Химик» (г. Молотов), а охру — Уфимский лакокрасочный завод.

ПОПРАВКА:

В № 26 журнала за 1953 год, в заметке «Селиванья и юстиция», ошибочно указана фамилия прокурора Ростовской области товарища Иванова.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва.

Изд. № 895.

Подписано к печати 1/XII 1953 г.

Формат бум. 70 × 108/8.

1 бум. л. — 2,74 печ. л.

А 03797.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 3191.

Тираж 350 000 экз.

Рисунок Ю. ГАНФА.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ
К АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ДРУЖБЕ

— Как видишь, Джон Буль, нефть
попадает в твои руки.

14635
me

Бессонов
Книжная Палата
Облгиз. экземпл.
1953 г.



ЮГ